

Е.Г. ВОДИЧЕВ, Н.А. КУПЕРШТОХ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТОСА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ, 1960-е ГОДЫ

Исследования научного этиosa имеют большое значение для историографии отечественной науки. Цель данной статьи состоит в том, чтобы в широком социокультурном контексте и на конкретно-историческом материале (Новосибирский научный центр, вторая половина 1950-х — 1960-е годы) показать основные компоненты этиosa локального научного сообщества, оценить их влияние на развитие комплекса научных учреждений.

Предметом нашего анализа являются принятые в научном сообществе нормы поведения, связанные с непосредственным содержанием научной деятельности, взаимоотношениями ученых, регулированием научной деятельности со стороны общества и государства. Последний аспект научного этиosa предполагает анализ представлений ученых о социальной роли и функциях науки. Хотя этиос науки в качестве основного компонента включает профессиональную мораль [3, с. 59], он определяется не столько особенностями научного труда, сколько принадлежностью научного сообщества к такой социальной страте, как интеллигенция. Интеллигенция тем и отличалась от других страт советского общества, что несмотря на все усилия коммунистического режима сохранила, по крайней мере частично, способность к рефлексии. В условиях достаточно жесткого социального и политического давления эта способность присутствовала в латентной форме. Однако в отдельные периоды истории, когда происходили значительные общественные

Водичев Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН. **Электронная почта:** evgeny@mail.cis.ru; **Куперштох Наталья Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН. **Адрес:** 630090 Новосибирск, проспект Лаврентьева, 17. **Электронная почта:** skn@demakova.net

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00–01–00340а).

подвижки или попытки таковых, она выходила на поверхность. В частности, так было во второй половине 50-х — начале 60-х годов, когда создавался научный центр в Сибири.

Что мы понимаем под «научным сообществом» и в какой мере можно говорить о научном сообществе Новосибирского научного центра (Академгородка)? Обычно под научным сообществом понимается профессиональное сообщество ученых, работающих в единых дисциплинарных рамках и связанных общей научной парадигмой. Парадигма объединяет научное сообщество в рамках общей методологии, а кроме того, помогает «держать сильную совместную оборону против любых внешних атак» [4]. Мы же предлагаем объединить понятия «этос науки» и «научное сообщество»: под научным сообществом будем понимать сообщество ученых, локализованное на определенной территории и связанное общим научным этосом. В этом случае актуальные принципы научного этоса будут определять отношения внутри локального научного сообщества и его взаимодействие с внешним окружением. Подобная трактовка термина позволяет применить его к сообществу ученых Новосибирского научного центра (ННЦ) и формирует дополнительные эвристические возможности для историко-научных исследований.

Этос локального научного сообщества ННЦ определяется как минимум тремя базовыми факторами: спецификой норм и отношений, в принципе характерных для научной деятельности (макроуровень), особенностями научного этоса, сложившегося в обществе и государстве в целом (мезоуровень), а также особенностями формирования и развития данного конкретного научного сообщества (микроуровень). В настоящей статье мы обратимся к третьему из указанных факторов.

История формирования научного центра в Сибири достаточно хорошо описана в научной и публицистической литературе [5–7]. Отметим лишь, что точкой отсчета в развитии научного центра стало 18 мая 1957 г., когда было принято известное постановление правительства «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» [8, с. 347–349]. Центром Отделения и местом расположения его руководящих органов стал Академгородок, который предполагалось возвести в двадцати пяти километрах от Новосибирска. Новый центр науки предназначался для теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук и решения задач, связанных с развитием производительных сил Сибири и Дальнего Востока. В состав СО АН СССР передавались все научные учреждения Академии наук, находившиеся на территории Сибири и Дальнего Востока. Одновременно предполагалось создание значительного числа новых научно-исследовательских институтов. Вскоре было решено организовать в Академгородке первые десять институтов (в дальнейшем их количество значительно возросло).

Создание СО АН СССР принципиально меняло систему организации и управления в академической науке. Сибирское отделение стало первым отделением в Академии наук, организованным по территориальному принципу. Его руководство получило широкие возможности для проведения междисциплинарных исследований и координации работы отдельных академических учреждений и научных коллективов. В основе этого лежала как территориальная близость разнопрофильных НИИ, так и единство их управлен-

ческих, информационных и прочих связей и общность целей развития. Тем самым закладывался фундамент для координации исследований на уровне региона в целом.

Принципы развития сети академических учреждений в Сибири определились в конце 50-х — начале 60-х годов. Новые научные учреждения в регионе могли создаваться лишь при условии взаимной сочетаемости и дополняемости, а также целесообразности с точки зрения развития всего научного центра. Было решено создавать новые учреждения исключительно для разработки тех важнейших направлений, которые не получили развития в других научных центрах. Несмотря на то, что первоначальную стратегию научного комплекса так и не удалось реализовать полностью, создание СО АН СССР и, прежде всего, основание новосибирского Академгородка было колоссальным успехом, имевшим долговременное значение. Удельный вес Сибири в системе Академии наук в целом возрос к 1 января 1961 г. более чем в три раза, достигнув 20,5%. Ускоренное развитие академической науки на востоке страны в 60-е годы привело к резкому снижению уровня централизации в структуре АН СССР. К середине 60-х годов доля Москвы и Ленинграда в общем числе академических НИУ снизилась до 65% по сравнению с 90% в 1951 г. Еще через пятнадцать лет она составила лишь 40% [9, с. 168]. Это говорит о том, что тенденция, сложившаяся в конце 50-х — начале 60-х годов, продолжалась и в более поздний период. Новосибирский Академгородок заслуженно приобрел репутацию одного из ведущих в мире научных комплексов, превысив по количеству научных работников ленинградскую группу институтов, до этого бывшую второй по значимости в стране.

Существовало несколько принципиальных обстоятельств, способствовавших успешной реализации концепции СО АН СССР. Во-первых, идея создания мощного научного центра в Сибири, не имеющего ни по своим масштабам, ни по принципам организации аналогов в отечественной практике, отражала потребности научно-технического прогресса. Целесообразным оказалось объединение в рамках единого научного комплекса разнопрофильных учреждений, связанных между собой не только местоположением, но и организационно-управленческой структурой и системой коммуникаций. В силу огромной инерционности советской научной системы эту идею было гораздо проще реализовать в тех регионах, которые не были избалованы вниманием «большой науки», но где все же имелась определенная инфраструктура для последующего наращивания научного потенциала. Сибирь, особенно Западная Сибирь, была в этом смысле весьма благоприятным полигоном.

Во-вторых, вряд ли идею организации мощного научного центра в Сибири удалось бы реализовать до объявления курса на приоритетное экономическое развитие восточных регионов страны. В силу масштабности планов «преобразования Сибири и Дальнего Востока» и при обозначившейся тенденции перехода к научно-индустриальному типу производства радикальные планы научной реорганизации получали гораздо больше шансов на успех, чем прежде.

В-третьих, созданию Сибирского отделения АН СССР способствовало решение о рестройке системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу, передаче оперативного управле-

ния экономикой из центра на места. Это позволило некоторым из зарубежных экспертов отметить, что создание СО АН СССР следует рассматривать как «одну из наиболее интересных мер по децентрализации экономики в духе решений XX съезда КПСС» [10, р. 371-372]. На наш взгляд, в предшествующие годы как создание, так и развитие филиалов АН СССР в Сибири серьезно тормозилось именно политическими причинами, желанием центра не допустить усиления полномочий местных властей.

В-четвертых, несомненно, сказывались личные амбиции инициаторов создания СО АН СССР и их близость к лидеру страны. Академик М.А. Лаврентьев не принадлежал к кругу тех академических ученых, которые являлись сторонниками исключительно фундаментальной ориентации Академии наук, (в их числе был президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов). М.А. Лаврентьев был явным сторонником прагматической ориентации в науке, что позволило ему вместе с И.В. Курчатовым войти в число неформальных «советников по науке» при Хрущеве [11, р. 21]. Это обстоятельство определило и итоги фракционной борьбы в Академии, приведшей к скорой отставке академика А.Н. Несмеянова с поста президента.

В-пятых, имели место и соображения стратегического характера. Начиная с предвоенных лет в Сибири происходило интенсивное наращивание военно-промышленного потенциала, требовавшего адекватного научного обеспечения. В силу этого Сибирское отделение АН СССР изначально обрело себя на «узы дружбы» с военно-промышленным комплексом [12, р. 157], тем более что М.А. Лаврентьев всегда отличался близостью к военно-промышленным кругам, так же, как и академик М.В. Келдыш, сменивший в 1961 г. А.Н. Несмеянова на посту президента АН СССР. На протяжении всех послевоенных лет происходил постоянный рост «оборонного» сектора в структуре Академии, о чем говорит, в частности, отсутствие информации о местах работы и сфере деятельности вновь избираемых в состав Академии наук ученых [13].

И наконец, в-шестых, инициаторами формирования регионального научного центра была весьма удачно проведена кадровая политика. М.А. Лаврентьев и его ближайшие коллеги и сподвижники осознавали, что успех их научно-организационных планов и долговечность нового научного центра во многом зависят от того, кого им удастся привлечь для работы в новых научных институтах и как в дальнейшем будут пополняться эти коллективы. При создании Отделения ориентировались на три категории ученых. Первая из них была группа авторитетных исследователей, как правило, членов Академии наук СССР, не удовлетворенных состоянием научных исследований в стране и положением АН СССР в системе организации науки в СССР.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в Академии наук происходило достаточно явное противоборство между сторонниками «чистых» фундаментальных исследований и теми, кто считал целесообразной ориентацию на прикладные научные проблемы. Инициаторы и лидеры научного центра в Сибири сделали ставку на «прикладной» акцент в развитии Академии и не проиграли. Создание СО АН СССР позволяло им усилить свои позиции в системе организации советской науки, и в этом смысле Академгородок был для них не только целью, но и средством.

Ко второй группе относились видные исследователи, уже имевшие свои научные школы или достигшие значительного прогресса в разработке перспективных научных направлений, но не имевшие возможности реализовать их в давно сложившихся и монополизированных научных институтах в центре страны. Многие из них имели все основания претендовать на избрание в состав Академии наук, однако очередь могла затянуться надолго, а само избрание находилось под вопросом. Такие люди были готовы сменить место жительства и работы при условии, что перед ними будут открыты широкие перспективы для развития собственных научных направлений и возможности карьерного роста. Это была достаточно большая группа ученых, из которых позднее было сформировано руководящее ядро научно-исследовательских институтов СО АН СССР.

Наконец, к третьей группе относились молодые научные сотрудники, входившие в число учеников и последователей тех, кто составлял первые две категории. Их также волновали проблемы реализации собственных научных идей и замыслов. Переход во вновь создаваемые институты открывал им быструю научную карьеру, что было совершенно невозможно в рамках традиционных научных структур в центре страны. Эта ситуация была «отслежена» инициаторами создания и руководителями СО АН СССР. Они добились некоторых льгот для научных сотрудников академических институтов Отделения, например, права на занятие должности старшего научного сотрудника без конкурса, при отсутствии необходимого стажа практической работы и т. п. [14, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 58]. На эффективное решение кадровой проблемы в новых академических институтах повлияли еще два обстоятельства: право СО АН СССР на приоритетный отбор выпускников вузов и право ученых, переезжавших на работу в Сибирь, бронировать за собой квартиры по прежнему месту жительства, в том числе в Москве и Ленинграде.

Каждый получал свое. Одни — ключевые позиции в руководстве наукой. Другие — перспективы быстрой научной карьеры. Третьи — прекрасные условия для работы и быта. И все вместе обретали хорошие возможности для плодотворной научной деятельности. В результате этого концепция СО АН СССР могла рассчитывать на поддержку ученых из различных социальных слоев, что обеспечивало научному центру в Сибири высокие шансы на успех. Сразу же после того, как М.А. Лаврентьев и С.А. Христианович обнародовали идею о создании крупного научного центра в Сибири, ее публично одобрили А.А. Арцимович, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, С.Л. Соболев, И.В. Курчатов и некоторые другие [15, с. 3–14]. Все они заявили о готовности всячески помогать ее практической реализации. Исключительно важным решением для судеб Сибирского отделения АН СССР стало получение права провести выборы в Академию наук СССР на вакансии Сибирского отделения. К баллотировке по этим вакансиям допускались только те ученые, которые изъявляли желание перейти на работу во вновь созданные академические институты на территории Сибири и Дальнего Востока. В ходе первых выборов, которые состоялись 28 марта 1958 г., было избрано 8 академиков и 27 членов-корреспондентов АН СССР. В их числе были такие известные ученые, как И.Н. Векуа, П.Я. Кочина, А.И. Мальцев, Ю.Н. Работнов, В.С. Соболев, А.А. Трофимук, А.Л. Яншин, Г.К. Боресков, Г.И. Будкер, В.В. Воеводский, Ю.А. Косыгин и многие другие [16, с. 25]. Эти ученые воз-

главили комплектование научных коллективов для новых институтов Сибири. Формирование дееспособных групп ученых во главе с научным лидером, связанных общей целевой установкой, позволило в кратчайший период времени пройти этап организационных перестроек и приступить к конкретной исследовательской работе.

В идее создания Сибирского отделения наук сливались воедино два популярных тезиса: о «покорении науки» и «покорении Сибири». Как показывали отклики на опубликованный проект создания научного центра в Сибири, большинство будущих сотрудников Отделения руководствовалось мотивами, не всегда совпадавшими с соображениями «большой стратегии» ее лидеров и инициаторов. Но масштабная поддержка этой инициативы говорила об ее актуальности и своевременности. Очевидное совпадение направленности глобальных (с точки зрения советской истории) и локальных процессов вряд ли было возможным в других исторических условиях. Сам факт единой направленности векторов данных процессов весьма существенно повлиял на все последующее развитие научного комплекса, проявляясь через особенности сложившегося в локальном сообществе ННЦ научного этоса.

На чем же базировалась система ценностей научного сообщества Академгородка? В основе ее лежало довольно причудливое переплетение коммунистических идеологем, с одной стороны, и принципов, порожденных спецификой научной деятельности, с другой. Эти настроения включали социальное фрондерство и утопические представления о перспективах развития страны и роли науки в этом процессе. Было бы глубоким заблуждением считать, что ученые Академгородка были обитателями стоящей в дремучем лесу «башни из слоновой кости», далекими от происходящих в обществе социальных и мировоззренческих баталий. Напротив, на социальном самочувствии научного сообщества в полной мере сказались особенности хрущевской «оттепели» — времени надежд и ожиданий. Даже принимая во внимание специфику источников, вряд ли будет корректно предполагать, что антикоммунистические позиции занимали сколько-нибудь значимое место в системе их идеологических взглядов. Более того, имеется много свидетельств наличия у них прокоммунистических воззрений. Однако после XX съезда КПСС и последующего затем в 1961 г. провозглашения новой партийной стратегии произошла существенная эволюция коммунистических представлений. Многие ученые, особенно из числа молодежи, всерьез рассматривали коммунистическую перспективу как дело ближайшего будущего, считая, что «их поколение будет жить при коммунизме». Коммунизм в их представлениях существенно отличался от сталинского тоталитаризма и сочетался с достаточно ярко выраженными демократическими идеями. Эти воззрения были сродни тому, что в терминологии конца 60-х годов стало известно как «социализм с человеческим лицом», близкий к принципам современной социал-демократии. Впрочем, дальше дискуссий в период «оттепели» дело не заходило. Что же касается руководства научного центра, то, по свидетельствам современников, «отцы-основатели Сибирского отделения в идеологические игры старались не вмешиваться» [17, с. 75].

Вторым важным компонентом системы ценностей, присущей представителям научного сообщества Академгородка, был глубокий сциентизм, убежденность в безграничных возможностях науки и техники, возможности

с их помощью решить большинство социальных проблем, носящих не только экономический, но и гуманитарный характер. П. Джозефсон полагает, что корни этой традиции описаны еще в работах Ф. Бэкона. Монография Джозефсона об истории Академгородка озаглавлена «Вновь посетив Новую Атлантиду». Исследователь справедливо считает, что сциентизм имеет глубокие социокультурные корни в российской интеллектуальной истории, а также опирается на традиции советского технократизма [18, р. XVI]. Академгородок 60-х годов дает немало примеров подобного стиля мышления. Одним из них стало увлечение математизацией и «технизацией» не только во многих естественнонаучных, но и в ряде традиционных гуманитарных областей, широкое проникновение количественных методов и математического моделирования в экономику, социологию, историю, лингвистику. Как пишет академик Т.И. Заславская, «особенности Новосибирской школы (социологии. — *Е.В., Н.К.*) связаны с широким использованием математических методов. В определенной степени это была мода, но мы всегда стремились к тому, чтобы это были методы не ради методов, а ради более углубленного анализа. И здесь наши сотрудники, поскольку они приходили с хорошим знанием экономической кибернетики, были достаточно сильны» [17, с. 145–146]. Коллеги вспоминают, что В.И. Шляпентох представлял увлечение математикой в виде кривой, где пик интенсивности применения математических методов в гуманитарных и социальных дисциплинах соответствовал минимальной математической квалификации гуманитариев и обществоведов. По мере овладения математическими знаниями эта интенсивность снижалась. Однако в целом интерес к использованию математического аппарата в экономических и социальных дисциплинах сохранялся на высоком уровне. Особенно надолго закрепились подобные тенденции в таких синтетических дисциплинах, как экономическая кибернетика и математическая лингвистика. Убежденность в безграничных возможностях математики как универсальной научной методологии приводила временами к появлению «открытий», не выдерживавших проверку временем. Однако на протяжении большей части 60-х годов это не уменьшало тяги к широкому использованию математического аппарата.

Следствием утверждения сциентизма в мировоззрении ученых стала высокая оценка ими своего социального предназначения, а также претензии на значимую социальную роль в обществе, на участие в выработке и принятии решений по широкому спектру вопросов общественного развития. На фоне происходивших в мире процессов формирования базовых структур постиндустриального общества, частично затрагивавших и Советский Союз, такое мировоззрение было вполне естественным. Подкрепленное серьезными научно-техническими и военно-техническими достижениями первого послевоенного десятилетия, оно вело к повышению престижа ученых (в принятой на Западе коннотации этого термина — «ученых-естественников») и усилению математического и естественнонаучного компонентов в базовом образовании [16, р. 19–47].

Представления о демократических ценностях, столь популярные в Академгородке, проецировались и на сам социальный институт науки. Негибкая система научной организации в стране и жесткость сложившихся принципов контроля над научной деятельностью не давали в этом отношении основа-

ний для оптимизма. Наука в СССР и во времена Н.С. Хрущева оставалась весьма бюрократизированной, жестко иерархизированной и была подвержена монополизму отдельных лидеров научных школ и направлений. Ситуация в Академгородке в начальный период его истории существенно отличалась от привычных стереотипов. М.А. Лаврентьев, «отец-основатель» и первый председатель СО АН СССР, сделал акцент на демократическом стиле управления. Он сам и ряд его коллег, членов президиума Отделения и директоров институтов (впрочем, далеко не все из них), были доступны для общения, демонстрировали способность выслушать любые идеи и соображения, даже если те и противоречили их собственным взглядам. В научных и университетских кругах был принят неформальный стиль общения, когда обходились «без отчеств и галстуков». Этому способствовала территориальная близость сотрудников с различным социальным статусом, их общее жизненное пространство, а также существовавшая в течение длительного времени после формального открытия ННЦ общая бытовая неустроенность.

Однако демократичность в отношениях во многом носила поверхностный характер, поскольку изначально в структуру Академгородка были заложены элементы, отнюдь не потворствующие столь популярному одно время эгалитаризму. В этом смысле весьма показательны свидетельства В.Н. Шубкина: «Академгородок, его строительство и организация жизни довольно точно отражали менталитет ВПК и партийных функционеров. Прежде всего — огромная дифференциация. Это не была дифференциация органически выросшая, которая создавалась столетиями, как в Геттингене и других научных европейских городках. Нет, она закладывалась еще при строительстве и в этом смысле отражала представления тех, кто командовал строителями, как нужно организовывать науку в тоталитарном государстве. В глаза бросались коттеджи. Их получали академики без учета состава семьи (один академик мог получить двухэтажный коттедж с огромным количеством комнат и специальной обслугой). Полкоттеджа выделялось членам-корреспондентам, иногда докторам. Основная масса ученых (старшие научные сотрудники, кандидаты наук) жила в обычных домах с трехметровым потолком и отдельным санузелом. В Академгородке был участок, целиком застроенный пятиэтажками, «хрущобами», который здесь иронически называли «Гарлем» (низкие комнаты, совмещенные санузлы и т. п.). Они предназначались для младших научных сотрудников, лаборантов, инженеров.

Дифференциация касалась не только жилья. Она сказывалась на снабжении продуктами: элита была прикреплена к специальным столам заказов; ежедневно подъезжал фургончик, из которого выносили закрытые белыми салфетками корзины с колбасой, мясом, сыром и всякими деликатесами, которые невозможно было купить в магазинах. Поэтому почти вокруг всех, имевших «высшие категории», роились друзья и знакомые, не получившие еще по тем или иным причинам званий докторов, членкоров и академиков. Все знали, что часть продуктов пойдет для этих людей (в шутку их у нас называли «прилипалами»). Дифференциация касалась и снабжения промтоварами (ведущие ученые имели возможность получать хорошие товары), и медицинского обслуживания (лекарства, лучший персонал были для высокопоставленных сотрудников). Это иногда приобретало просто анекдотический характер...» [17, с. 72].

Такая дифференциация, в основном, воспринималась как данность. Периодически, впрочем, она приводила к напряженности в отношениях и между отдельными учеными, и между научными работниками и строителями Академгородка. Основным источником напряжения как раз и являлась пресловутая жилищная проблема. Многие рабочие в достаточно резкой форме спрашивали, почему они вынуждены годами жить в бараках, в то время, как вновь прибывающие в городок ученые сразу же получают хорошие отдельные квартиры. Ответ часто получал «методологическое» обоснование, весьма откровенное для псевдоэлитарного государства «рабочих и крестьян». В монографии П. Джозефсона приводится высказывание известного генетика Ю.Я. Керкиса, прямо утверждавшего, что жилье в Академгородке должно предоставляться тем, кто нужен для науки. Такая позиция была достаточно типичной для научного сообщества. Приходилось, однако, тратить немало сил на то, чтобы убедить рабочих, что коттеджи для ученых являются необходимым компонентом строительства «материально-технической базы коммунизма» [18, р. 17].

Популярность демократических идеалов среди сотрудников научного центра применительно к науке выражалась в разнообразных дискуссиях и широких обсуждениях междисциплинарных научных проблем. Именно интеллектуальная свобода стала отличительной особенностью Академгородка, привлекавшей сюда людей. Следствием стало бурное развитие новых и нетрадиционных направлений, а также исследований на стыке различных научных дисциплин, которые в начальный период истории ННЦ активно поддерживались его руководством. Достаточно уникальным явлением была открытость научного сообщества центра и его весьма высокая по советским меркам степень интегрированности в мировое научное сообщество. Р.В. Рывкина вспоминает об Академгородке 60-х годов: «На сибирскую социологию сработала и общая атмосфера Академгородка — атмосфера свободного (почти свободного!) творчества, жарких дискуссий, повсеместного изучения иностранных языков, интереса к западной научной литературе. Мы впервые ее читали, впервые видели «живых» иностранцев, приезжавших в Академгородок, слушали их рассказы о социологии в Польше, Венгрии, Франции — все это будило интерес, стимулировало собственную работу» [17, с. 270].

К середине 60-х годов особенно популярны стали методологические семинары и обсуждения. По воспоминаниям Ю.А. Левады, «с середины 60-х годов расцвела неофициальная или полуофициальная разновидность интеллектуального общения — семинары, чтения, конференции. Общими приметами были нетрадиционность тематики, междисциплинарность, открытость обсуждения. Отсюда и притягательность для многих. Такие семинары действовали в Москве, Ленинграде, Новосибирске, еще в нескольких центрах» [17, с. 92].

Сочетание своеобразных исторических обстоятельств сформировало высокий уровень социальной ангажированности ученых Академгородка. Немалую роль здесь сыграл социально-психологический облик ученых, решившихся на переезд из центра страны в Сибирь. Во многих случаях такая ангажированность выражалась лишь в повышенной профессиональной амбициозности. Однако нередко она выходила и во внешние по отношению к

науке сферы деятельности, проявляясь в популярных тогда тезисах о «покорении науки» и «покорении Сибири», а также в широких дискуссиях, затравивших важные общественно-политические проблемы. Как это было реализовано на практике — хорошо известно из опыта работы общественных объединений научного центра и, прежде всего, клуба «Под интегралом» — основного предмета ностальгических воспоминаний современников.

У академгородковских клубов была предыстория. Энтузиазм и дух свободомыслия научной молодежи впервые публично проявился в 1962 г., когда редакция газеты «Комсомольская правда» начала дискуссию на тему «Наука и нравственность». Студенты Новосибирского университета активно поддержали эту тему. В исторических источниках остались свидетельства того, что «студент 4 курса Ю. Никора в своем выступлении возвел клевету на советское правительство, на главу партии и государства. А наши комсомольские и партийные активисты не смогли оперативно отреагировать на такое выступление, не дали отпора Никоре» [20, с. 9]. Пожалуй, впервые в истории Академгородка власти столь сильно встревожились относительно «политического лица» молодежи. Секретарь горкома КПСС А.П. Филатов на VI районной партконференции Советского района г. Новосибирска 25 декабря 1962 г. отмечал в своем выступлении: «Мы не можем сегодня закрывать глаза на то, что некоторые молодые ученые в политическом отношении еще не зрелы, о чем свидетельствует проведенный диспут о нравственности и науке. Ведь на этом диспуте почти не говорили о Ленине, о программе КПСС, а некоторые выступления носили демагогический характер» [21, ф. П269, оп. 1, д. 81, л. 109–110]. Интересны также свидетельства первого секретаря райкома М.П. Чемоданова: «На диспуте было много интересных выступлений, но были и выступления такого рода, что теория марксизма-ленинизма устарела. Такие выступления делают подкоп под основу нашего мировоззрения, делают попытку дискредитировать марксистско-ленинское учение. На диспуте было немало членов партии. Я поинтересовался у некоторых товарищей, почему они не выступили. Мне сказали: “Была такая обстановка, что если бы мы выступили, то нас бы освистали”» [21, ф. П269, оп. 1, д. 81, л. 121]. Попытка пресечь подобные дискуссии была сделана в мягкой форме и не принесла результата. В последующие годы ситуация продолжала обостряться. Это выразилось в дискуссии о целесообразности комсомольских организаций в научно-исследовательских институтах Академгородка. Следствием ее стал поразительный факт: на собрании комитета комсомола СО АН было принято решение о самороспуске, однако райком пресек эту инициативу, а на областном слете «деструктивные настроения» были окончательно подавлены [22, с. 21–22].

Естественно, что в этих условиях на волне политического либерализма у ученых не могла не проснуться дремавшая до сего времени потребность осмыслить положение науки в стране и публично выразить свое мнение по поводу сложившейся системы организации науки и возможностей ее оптимизации [23]. Критика прежнего механизма научной деятельности стала высказываться открыто, а глубина ее возрастала, хотя нужно подчеркнуть, что апелляции к зарубежному опыту по-прежнему оставались непопулярными. Еще более значимым был тот факт, что, выходя за рамки советских традиций, эта критика временами приобрела конструктивный характер. В извест-

ном смысле сама концепция регионального научного центра, реализованная при создании СО АН СССР, стала следствием конструктивности подобной критики. Ученые, их наиболее мобильная и деятельная часть, которая в конечном итоге оказалась в Академгородке, стремились принять непосредственное участие в формировании новой социальной конструкции отечественной науки, избавленной, по их мнению, от многих недостатков прежней системы. Впрочем, этот энтузиазм имел и оборотные стороны: многое из «нового» поддерживалось некритично, априори, как противовес «старому», последствия чего начали проявляться спустя уже несколько лет.

Долгое время опыт новосибирского Академгородка рассматривался лишь как реализация принципиально нового подхода к организации и управлению наукой в стране. Однако даже поверхностное знакомство с мировыми тенденциями в научном строительстве позволяет сделать вывод, что в концепции регионального научного центра в Сибири воплотились некоторые организационно-управленческие решения, уже апробированные при создании научных комплексов в ряде ведущих стран мира, прежде всего — США. Наличие предшественников ни в коей мере не может рассматриваться как фактор, снижающий значимость проведенного в Сибири научно-организационного эксперимента. Это была как раз та ситуация, когда в отечественной практике были практически воплощены универсальные научно-организационные интенции и алгоритмы, что происходило далеко не всегда.

Отношение властей к сообществу ученых в процессе организации научного комплекса отличалось сдержанностью и известной осторожностью. Конечно, базовые принципы отношения власти к науке не менялись. Они всегда были весьма противоречивыми, амбивалентными. С одной стороны, власть рассматривала науку как необходимый фактор социально-экономической модернизации страны — задачи, поставленной эпохой формирования информационного общества и уже вполне осознаваемой государством. С другой стороны, власть не доверяла науке. Дело было не только и не столько в склонности ученых к диссидентству. Власть не доверяла науке из-за свойственного научному мышлению критического отношения к авторитетам, релятивистской интерпретации всего происходящего в природе и обществе, стремления к поиску рациональных объяснений. Противоречивость в отношениях авторитарной власти и научного сообщества имела объективный характер, принимая время от времени весьма острые формы. Были, однако, и периоды ремиссии.

На этапе создания ННЦ центральная власть демонстрировала свою лояльность, что в конечном итоге и следует рассматривать как основной фактор успеха при создании научного центра. Эта лояльность распространялась и на его «человеческое наполнение» — формирующееся научное сообщество. В результате в институтах Академгородка и в университете нашло пристанище довольно значительное число исследователей и преподавателей, фактически объявленных *persona non grata* в столичных научных и учебных институтах. В этом смысле судьба известного физика Ю.Б. Румера, репрессированного и лишённого возможности работать в столичных научных учреждениях, но принятого на работу и успешно продолжавшего свои исследования в новом научном центре, была достаточно типичной. Поскольку при этом чрезвычайных происшествий не происходило, центральные власти не

проявляли особого беспокойства. Поддержка со стороны власти предержавших имела, по сути дела, априорную основу, а детали никого в центре особенно не интересовали. Впрочем, из этого правила бывали и исключения, когда дело касалось отдельных личностей и личных амбиций. Наиболее ярким примером подобных коллизий, закончившихся для научного центра относительной неудачей, стала история с академиком Н.П. Дубининым, лишь короткое время проработавшим в качестве директора Института цитологии и генетики. Он был снят с должности М.А. Лаврентьевым по личному распоряжению Н.С. Хрущева и под непосредственным влиянием Т.Д. Лысенко. Данное решение стало определенным компромиссом — сам институт, занимавшийся столь непопулярными в то время исследованиями, удалось отстоять. Отголоски этих событий, однако, сохранялись еще в течение длительного времени. В частности, в феврале 1961 г. работу партийной организации Сибирского отделения АН СССР проверяли сотрудники Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР. В ходе проверки был сделан вывод о том, что «в институте цитологии и генетики часть руководящих кадров добиралась Дубининым. После освобождения т. Дубинина в институте остались ранее подобранные им кадры, некоторые из них до сих пор поддерживают с ним научную связь (Шкварников, Керкис). Партком не принял мер по разъяснению молодежи ошибочных взглядов т. Дубинина, в силу чего часть молодых сотрудников института сожалеет об уходе его из института...» [24, ф. 5, оп. 37, д. 87, л. 1–5].

Было бы заблуждением считать, что центральная власть в лице высших партийных структур не знала, что происходило в новом научном центре. В ЦК КПСС и КГБ было известно даже об относительно незначительных по масштабу событиях в отдельных институтах Академгородка. В этом смысле весьма показателен следующий документ. 24 мая 1960 г. в бюро ЦК КПСС по РСФСР от инструктора ЦК Н.А. Дикарева, находящегося в командировке в Новосибирске, поступило сообщение следующего содержания: «20 мая в институте неорганической химии Сибирского отделения АН СССР прошло собрание сотрудников, посвященное осуждению американской агрессии против СССР и поддержке заявления Советского правительства. На собрании выступил научный сотрудник Бреусов О.Н., который пытался обосновать неправильность внешней политики нашего правительства. Он говорил о том, что нам важно, чтобы совещание в верхах состоялось, несмотря на сложившуюся обстановку. Эйзенхауэр пошел на уступки, надо было и нам пойти на уступки. В силу срыва совещания обстановка сейчас будет накаляться, и это может привести к нежелательным результатам. Бреусов внес на собрание предложение: “Выразить сомнение о срыве совещания в верхах. Срыв совещания произошел не по вине американских империалистов”. Это предложение никто, кроме самого Бреусова, не поддержал. Собрание строго осудило выступление Бреусова О.Н. и приняло решение, полностью поддерживающее политику нашего правительства, и с гневом протестовало против американской агрессии. Бреусов О.Н. в Сибирское отделение АН СССР прибыл на работу по окончанию аспирантуры МГУ в 1959 г. Будучи студентом и аспирантом МГУ, т. Бреусов допускал неправильные выступления, пытался быть оригинальным и высказывать свою точку зрения. Зам. секретаря парткома Сибирского отделения АН СССР т. Стародубцев на следующий

день после собрания имел беседу с Бреусовым О.Н. В беседе выяснилось, что он не разбирается во многих политических вопросах. Новосибирский обком КПСС с этим фактом тщательно разбирается и о результатах доложит» [24, ф. 5, оп. 37, д. 73, л. 71].

Несмотря на провозглашенные принципы научной этики, базирующиеся на свободе мнений и дискуссий, использование институтов власти для отстаивания личных интересов было делом обычным. Отличались этим и «отцы-основатели» научного центра. Риторика и аргументация имели вполне советский характер, что не очень сочеталось с принципами профессиональной научной этики. В частности, в сообщении в бюро ЦК КПСС по РСФСР о предполагаемом переизбрании членов бюро президиума Сибирского отделения АН СССР в мае 1961 г. М.А. Лаврентьев еще раз обосновал, почему С.А. Христианович не может войти в его состав: «Христианович своим неправильным поведением скомпрометировал себя перед коллективом ученых, он оставил прежнюю семью и стал жить со своим референтом». ЦК КПСС поручил Новосибирскому обкому провести заседание партгруппы отделения, обсудить предложение М.А. Лаврентьева и решить вопрос об избрании С.А. Христиановича в состав бюро президиума СО АН СССР. Результат конфликта был предопределен. В конце документа имеется помета, сделанная инструктором ЦК А. Маховым: «На выборах бюро президиума Сибирского отделения АН СССР в его состав прошли ученые, рекомендованные т. Лаврентьевым. 9 апреля 1961 г.» [24, ф. 5, оп. 37, д. 87, л. 43].

Местные власти проявляли еще большую настороженность в отношении всего того, что происходило в Академгородке: они как раз видели «детали» жизни научного сообщества, которые с точки зрения традиционных норм и представлений советского, а кое в чем еще и сталинского времени не вполне вписывались в пределы допустимого. Но покончить с дискуссиями в то время не удавалось: этому препятствовали общая поддержка, оказываемая научному центру из столицы, «оттепель» с ее духом реформаторства (более ощутимым в Москве, чем в Новосибирске) и отсутствие прецедента. Власть позволяла ученым играть в свои игры, надеясь, что любая игра когда-нибудь закончится сама собой. Сказывалась и географическая удаленность Академгородка от Москвы, и определенная автономия в рамках Новосибирска. Как вспоминает Т.И. Заславская, «одна из заслуг академика Лаврентьева, что когда он выбирал место для Академгородка, не последним соображением было — подальше от обкома партии. В Иркутске такой городок на окраине города, в Красноярске — вообще часть города. Лаврентьев же хотел самостоятельности в этом плане — и он ее добился. Мы тоже имели неприятности с обкомом партии, но все-таки они не сидели у нас безвылазно, а лишь наезжали, и то нечасто. Конечно, были доносчики, “стукачи”» [17, с. 146].

Очевидно, что важным «сдерживающим фактором» для обкома в отношении Академгородка долгое время оставался сам М.А. Лаврентьев. Его достаточно близкие отношения с лидером страны, ни для кого не являвшиеся секретом, а также прямой пропуск в Кремль заставляли тщательно осмысливать возможные последствия любой недружественной акции в отношении научного центра или его основателя и руководителя. Такое положение вещей сохранялось вплоть до отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. и, по инерции, еще некоторое время после.

Немаловажную роль в том, что контроль со стороны партийных институтов некоторое время носил относительно мягкий и ограниченный характер, сыграл особый статус руководящих органов партийной организации Академгородка. В ННЦ с 1958 г. действовал собственный партком, который еще более усиливал автономию научного центра [25, с. 45–47]. Партком состоял из ученых, сотрудников научно-исследовательских институтов, его возглавляли выходцы из научного мира (одним из них в течение длительного времени был хорошо известный в научных кругах Академгородка профессор Г.С. Мигиренко), не чуждые принципам научной этики и хорошо понимавшие настроения и интересы своих коллег. Вплоть до 1965 г., когда партком ННЦ был ликвидирован и частично слит с Советским райкомом КПСС, он оставался своеобразным буфером между учеными и властными институтами, занимаясь преимущественно инфраструктурными вопросами и избегая прямого вмешательства в проблемы, связанные с содержанием научной деятельности. Впрочем, нельзя сказать, что отношения парткома с вышестоящими инстанциями и в первые годы формирования научного центра имели исключительно мирный характер. Деятельность парткома неоднократно оказывалась под огнем критики. В частности, в мае 1961 г. вопрос о работе партийной организации СО АН СССР рассматривался на бюро ЦК КПСС по РСФСР. Наряду с положительными сторонами деятельности отмечались существенные недостатки в подборе и воспитании кадров: «Мероприятия по идейно-политическому воспитанию сотрудников не всегда увязываются с насущными задачами Сибирского отделения, с воспитанием у молодежи чувства понимания важности выполняемой работы. Большими недостатками страдает лекционная пропаганда. Среди сотрудников имеют место факты нарушения трудовой дисциплины и аморального поведения». Партийному комитету СО АН СССР поручалось «улучшить работу по идейно-политическому воспитанию научных работников, особенно молодежи, обеспечить глубокое изучение марксистско-ленинской теории и понимание политики нашей партии» [24, ф. 5, оп. 37, д. 87, л. 6–10]. Выводы же до поры до времени носили достаточно мягкий и рекомендательный характер.

В демократические игры в Академгородке, однако, играли с увлечением. Находилось все больше и больше сценариев, способных не только тренировать интеллект, будоражить воображение и чувства, но и влиять на конкретную жизнь научного центра. В «Республике Соан» (по выражению братьев Стругацких) постепенно, шаг за шагом, совершалось продвижение от интеллектуальной гимнастики и политического резонанса клуба «Под интегралом» к попыткам экономических экспериментов более прагматичного «Факела», успешно занимавшегося незаконной, по мнению властей, хозяйственной деятельностью.

История возникновения и существования клуба-кафе «Под интегралом» стала сплавом неформальной инициативы и своеобразно понимаемой в Академгородке комсомольской работы. Как отмечает Ж.А. Бадалян, идея молодежного клуба-кафе появилась в начале 60-х годов, когда в стране, в основном в Москве, разворачивалось клубное движение. В новосибирском Академгородке проблемы досуга молодежи стояли не менее остро, чем в Москве или Ленинграде, к тому же требовался центр для общения, проведения культурных мероприятий. Во главе группы энтузиастов стояли А.И. Бурштейн

(сотрудник Института химической кинетики и горения), а также Василий Димитров, Григорий Яблонский (аспирант Института катализа) и некоторые другие молодые ученые. Начало встреч «Под интегралом» относится к декабрю 1963 г., но широкую известность клуб приобрел только с 1965 г., когда ему удалось при поддержке М.А. Лаврентьева получить собственное помещение. С 1965 г. в сибирской и даже в центральной прессе стали появляться заметки об академгородковском начинании. Деятельность объединенных под крышей «Интеграла» клубов способствовала регулярному общению научной молодежи. Клуб задавал настроение в Академгородке, и посетить его приезжали из многих городов. Работа клуба проходила под покровительством районной комсомольской организации [22, с. 32–36].

Научно-реализационное объединение «Факел» было организацией другого рода. Если клуб «Под интегралом» воздействовал на настроение людей, то «Факел» позволял нормально зарабатывать и одновременно заставлял задумываться о принципах, на которых должны строиться нормальные экономические отношения в обществе. «Факел» был создан в 1966 г. по инициативе инженера ВЦ СО АН СССР Александра Казанцева. Цель НРО состояла в обеспечении финансирования перспективных научных проектов, для которых не было места в планах работы академических институтов. Зарабатывая посредством хоздоговорных сделок с предприятиями деньги, фирма получала значительную прибыль, которую вкладывала не только в актуальные разработки, но и в социально-значимые акции: финансирование ряда строительных проектов, картинной галереи, ремонт школы, спасение жителей в затопленной долине реки Каменки и многое другое. В рамках заключенных хоздоговоров (к 1969 г. на 1 млн. руб.) разрабатывались новые научные проекты, в том числе и по таким перспективным направлениям, как плазмохимия и автоматизация научного производства. Здесь «Факел» имел научный приоритет перед многими академическими институтами [21, ф. П308, оп. 1, д. 216, л. 18–19]. Удивительным образом «Факел» сумел найти свою законодательную нишу: его деятельность не была официально разрешена, но и не попадала ни под какие запретительные инструкции. Многочисленные проверки и ревизии не смогли выявить никаких злоупотреблений. И клуб «Под интегралом», и «Факел» были звеньями одной цепи, но «Факел по своим последствиям был намного опаснее для политического режима. Создавая пусть даже ограниченное пространство для проявления экономической инициативы, он подрывал основу основ коммунистической экономики – принцип всеобщей уравниловки. А такие вольности режим терпеть уже не мог.

К концу 60-х годов доминировавший в обществе сциентизм начинает понемногу увядать. Точнее, он принимает все более выраженную иррациональную окраску, поскольку явно возрастает степень его идеологизации. Последнее, конечно же, происходит не случайно. Власть сознательно торпедует релятивистское и рациональное отношение ученых к природе и обществу, начиная осознать опасность дрейфа интеллектуалов в сторону популярных на Западе теорий конвергенции, также имевших отчетливо выраженную сциентистскую основу. В результате в советской идеологии формируется идея научно-технической революции и утверждается тезис о «соединении НТР с преимуществами социализма», ставший официальной доктриной коммунистического режима с начала 70-х годов.

Самооценка ученых пока еще остается достаточно высокой, однако выясняется, что многие обещания, данные обществу самими учеными или от имени ученых (последние в этом случае выступили в положении «заложников»), выполнить не удалось. В их числе — управляемый термоядерный синтез и, соответственно, решение энергетической проблемы, резкое повышение продуктивности сельского хозяйства за счет его химизации и насыщения техникой и т. п. К тому же в Академгородке происходит ряд неудач локального характера, заставивший задуматься об универсальности столь популярной математической методологии, в частности, конфуз с якобы имевшей место «расшифровкой» древних рукописей майя. Убеденность в эвристических возможностях математического моделирования социально-экономических процессов также начинает таять.

Профессия ученого все еще считается весьма привлекательной, конкурсы в исследовательские университеты, в том числе и в недавно созданный Новосибирский, держатся на высоком уровне. Однако в условиях экспоненциального роста научных кадров количество начинает размывать качество, что не может не сказаться на престиже ученых. Сциентистская ориентация в обществе окончательно уступит место антисциентизму лишь в 80-е годы, но некоторые проявления этой тенденции уже налицо. В частности, ко второй половине 60-х годов ученых уже не зовут во власть. Политический истеблишмент прекрасно обходится и без представителей научного сообщества (администраторы и политики от науки, увенчанные высокими должностями и академическими званиями, здесь, конечно же, не в счет).

Определенные изменения происходят и в том, что касается критики учеными организации научной деятельности в стране. Поле подобной критики вновь сужается, открытые формы все чаще заменяются латентными. В то же время происходит отработка направлений, по которым критиковать систему организации науки становится не только желательно, но и необходимо. Ведущее место среди созданного набора штампов занимает критика недостаточно эффективной связи науки с производством и, соответственно, призывы к укреплению взаимодействия этих двух отраслей, поскольку наука *de facto* рассматривается как одна из отраслей народного хозяйства. Что же касается научного сообщества ННЦ, то здесь происходят любопытные изменения. Начинает переосмысливаться, не только на уровне теории, но и актуальной практики, опыт создания самого научного комплекса. Эксперимент с созданием научно-реализационного объединения «Факел» как раз и стал одним из проявлений подобной критики — формировалось звено, призванное компенсировать появляющиеся в академгородковской практике элементы научного консерватизма и монополизма сложившихся научных школ, а также преодолевать дисциплинарные и институциональные границы между отдельными учреждениями научного центра.

Наиболее глубокие изменения претерпевает социальная ангажированность ученых научного центра. В условиях начавшегося со второй половины 60-х годов неоконсервативного реванша в политике давление на научное сообщество Академгородка резко возросло. Удивление вызывает тот факт, что ученые смирились с этим достаточно легко. Особых протестов в научном центре не было слышно. В результате место социальной ангажированности или, если использовать одну из идеологем того времени, «активной

жизненной позиции», занял профессиональный эскапизм. Еще недавно жившие интересами общества исследователи предпочитали теперь с головой уйти в профессиональную деятельность, где, по их мнению, было проще сохранить традиционные для научного сообщества принципы морали и нормы поведения. Желание построить «башню из слоновой кости» и скрыться за ее высокими стенами было настолько естественной, насколько и сюрреалистичной реакцией на внешнюю угрозу. Исключение, в основном, составляли лишь те ученые, которые пытались построить административную карьеру. Для них сохранение активной социальной ориентации стало правилом игры, условия которой они принимали вполне сознательно, хотя и понимали все ее негативные стороны, в том числе и опасность потерять лицо в глазах коллег. По данным Управления кадров СО АН СССР, число тех, кто в советские времена уходил из научного сообщества Академгородка на работу в структуры государственного и партийного аппарата, составляло до 10% от выбывавших из числа сотрудников СО РАН.

Параллельно в городке формировалась своеобразная «кухонная культура» — типичный феномен жизни советских интеллигентов конца 60-х — начала 80-х годов. Кухни тесных городковских «хрущоб» стали суррогатом прежних общественных клубов. Различие между ними носило качественный характер: если клубы были ориентированы, кроме всего прочего, на зондаж и формирование общественного мнения, то «кухонная культура» была способом самовыражения и самоуспокоения старших и младших научных сотрудников, позволявшим им в реальной жизни мирно сосуществовать с властями. Параллельно усиливалась и страсть к доносу. Использование «органов» для решения собственных проблем и устранения неудобных лиц принимало все более широкий характер. В некоторых случаях «доброжелатели» представляли в органы целые исторические сочинения. Весьма показателен в этом отношении документ, который педалирует вновь обретающую популярность антисемитскую тему. 24 декабря 1968 г. в приемную КГБ в Москве обратился один из сотрудников ИЭиОПП СО АН СССР с письмом следующего содержания:

«Докладная записка о чрезвычайном положении с подбором, расстановкой, использованием и воспитанием научных кадров-экономистов в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. В новосибирском Академгородке в 1957 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР Г.А. Пруденского был создан ИЭиОПП. На пустом месте за 9 лет был построен новый большой корпус для института и организован коллектив в составе 200 чел. За короткий срок институт получил широкую известность в разработке проблем труда, трудовых ресурсов, в организации и управлении общественным производством, по размещению производительных сил Сибири и стал головным учреждением по этим проблемам.

В результате сильного нажима хорошо организованной группы, состоящей из еврейского большинства, прочно обосновавшейся сначала в НГУ, был доведен до тяжелого болезненного состояния директор института Г.А. Пруденский. В июне 1966 г. он был вынужден подать заявление об освобождении его от обязанностей директора, но длительная и тяжелая травля не прошла бесследно, и 27 июля 1967 г. он умер в г. Москве.

В 1966 г. пост директора института принял член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян. Он решил ликвидировать коллектив научных сотрудников. За 66–67 гг. из института было уволено 184 чел., в 68 г. — более 40 чел. (из них более 30 кандидатов наук и 4 доктора наук). Среди уволенных большинство коммунисты, опытные экономисты, уроженцы Сибири и почти все они русские.

Вначале Аганбегян распустил Ученый совет института, партийную и профсоюзную организации. В новом составе Ученого совета стали преобладать ученые еврейской национальности. На первом заседании Ученого совета якобы по конкурсу были избраны на заведование секторами Вальтух (немец), Зархин (еврей), Казакевич (еврей), Мироносецкий (еврей), Свердлов (еврей), Сипляровский (еврей), Шляпентох (еврей), Шнипер (еврей). В институте экономики, видимо, стала работать хорошо законспирированная и четко организованная сионистская организация. Аганбегян имел строгий выговор за действия во время заграничной командировки, причинившие ущерб государственным интересам СССР, по этому вопросу было принято специальное решение ЦК КПСС» [24, ф. 5, оп. 60, д. 44, л. 96–105 об.].

На все это власть реагировала вполне адекватно. С отставкой Н.С. Хрущева Академгородок сразу был вынужден вступить в жесточайшую борьбу за ресурсы с подрастающими конкурентами из других регионов страны. При этом позиции городка оказывались заведомо ослабленными из-за той поддержки, которую научный центр получал от прежнего руководства. Академгородок был детищем «оттепели», о которой теперь было не принято вспоминать.

Оставаясь формально одной из «священных коров» социализма, Академгородок стал быстро утрачивать свои позиции как в структуре организации науки, так и в системе идеологических приоритетов. Теперь ему приходилось добиваться того, что ранее было возможно получить *for granted*. Это имело самые серьезные последствия для развития комплекса научных учреждений в Сибири. Терял свой авторитет у властей лидер, бывший одним из отцов-основателей сибирской академической Атлантиды. Планы создания научного центра в Иркутске, аналогичного Новосибирскому, а затем и тиражирования комплексного подхода к организации научных исследований в других городах Сибири и Дальнего Востока так и не были реализованы в полном объеме. Более того, вскоре СО АН СССР потеряло Дальневосточный научный центр, несмотря на активные попытки удержать его в своей структуре. Неудачей окончились и усилия, направленные на формирование так называемого «пояса внедрения». Этому аспекту развития научного комплекса придавалось очень большое значение, именно он должен был стать логическим завершением воплощения в жизнь знаменитой триады М.А. Лаврентьева «Наука. Кадры. Производство». Соответственно, и неудача воспринималась особенно остро. Противоречия с центром явно нарастали, и для того, чтобы хоть как-то гармонизировать и поддерживать прежний имидж научного комплекса, его руководству требовалось прикладывать немало сил и энергии.

Реакция местных властей на вольности научного сообщества в Академгородке была также вполне предсказуемой и адекватной изменившимся политическим условиям в стране. Партийные власти области стали предпри-

нимать все более интенсивные попытки распоряжаться в городке, как в своей вотчине, чего не могли себе позволить раньше из-за имевшейся у руководства научного центра возможности апеллировать непосредственно к Кремлю. Теперь Академгородку надлежало помнить, что он — не «государство в государстве», а всего лишь один из городских районов индустриального Новосибирска. Наиболее ярким проявлением таких изменений стала уже упоминавшаяся ликвидация в 1965 г. парткома научного центра и передача его партийной организации в ведение одного из райкомов города, где был создан отдел науки. Административные функции в Академгородке стали в большей степени осуществляться партийными структурами, возглавляемыми отныне номенклатурными работниками. Жизнь научных учреждений и их сотрудников, в том числе и вне рамок профессиональной деятельности, оказывалась под усиливающимся контролем партийных органов.

Отношения между руководством СО АН СССР и Новосибирским обкомом КПСС к 70-м годам сильно усложнились. Несмотря на то что Ф.С. Горячев, весьма жесткий руководитель, старался придерживаться разумных границ во взаимодействии с учеными, у него явно не складывались личные отношения с М.А. Лаврентьевым. По воспоминаниям современников, Горячев и Лаврентьев во многом были антиподами и относились друг к другу без особого уважения, чего, однако, не наблюдалось в отношениях секретаря обкома и Г.И. Марчука, который впоследствии сменил М.А. Лаврентьева на посту председателя СО АН СССР. По воспоминаниям Г.С. Мигиренко, М.А. Лаврентьев был рад тому, что удалось «вовремя» закончить работы по формированию научного центра [18, р. 269].

Одним из первых признаков наступивших перемен в Академгородке стало осуждение так называемых «подписантов» и тех, кто осмелился присоединиться к ним и выступить против произвола властей в отношении творческой интеллигенции. Эта история в настоящее время известна. 19 февраля 1968 г. группа научных сотрудников СО АН СССР и преподавателей НГУ подписала письмо с протестом против закрытого суда над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой, получившее название «Письмо 46-ти». Письмо было отправлено в Верховный суд РСФСР и Генеральному прокурору СССР (копии Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, редакции газеты «Комсомольская правда»). 23 марта 1968 г. содержание письма было изложено в американских газетах, а 27 марта его текст передан радиостанцией «Голос Америки». По утверждению многих, последняя акция была, скорее всего, провокацией, поскольку имелось лишь шесть копий данного письма. Общее количество «подписантов» составило, по подсчетам А. Амальрика, 738 человек, из них 45% были людьми научных профессий. Среди 46 «подписантов» из ННЦ 35 работали в научно-исследовательских институтах Академгородка (4 доктора наук, 10 кандидатов), 19 являлись преподавателями Новосибирского государственного университета, трое работали в Физико-математической школе. 6 «подписантов» были членами КПСС (В.А. Конев, И.С. Алексеев, Л.Г. Борисова, Э.С. Косицына, С.П. Рожнова, Г.С. Яблонский) причем двое последних в разное время были членами РК ВЛКСМ.

Бюро Советского РК КПСС на своем заседании 16 апреля 1968 г. осудило действия «подписантов» как «безответственность и политическую незрелость», попытку «дискредитировать советские юридические органы», а всю акцию как «политически вредную, использованную враждебными нашей стране организациями для идеологической диверсии». Уже в «перестроечные времена», 12 июня 1990 г. бюро Советского РК КПСС отменило постановление 16 апреля 1968 г., тем самым «политически реабилитировав “подписантов”» [26, с. 22].

Последовали санкции и со стороны областных партийных властей. По распоряжению обкома КПСС директорам институтов было приказано провести «публичную порку» всех «подписантов» и сотрудников, выступивших в их поддержку. Одновременно они получили указание укрепить кадровую политику и усилить внимание при приеме на работу новых сотрудников. Эта кампания была проведена в лучших традициях неосталинизма, однако покаянных речей от всех добиться так и не удалось [27, р. 457-467].

Руководство Академии наук также весьма оперативно отреагировало на происшедшие события. 24 апреля 1968 г., выступая на партийном активе АН СССР, ее президент академик М.В. Келдыш заявил следующее: «Я должен с сожалением констатировать, что неправильные поступки в общественной жизни имели место также со стороны некоторых членов Академии наук и сотрудников наших институтов. В последнее время отдельные ученые подписали письма в различные инстанции в защиту Гинзбурга и других лиц, осужденных за антисоветскую деятельность. Около ста человек, работающих в Академии наук, подписали эти письма (то есть почти половина из них работало в СО АН СССР. — *Е.В., Н.К.*). Среди них больше всего математиков и работников Института русского языка. Письма подписали, в частности, академики Новиков и Леонтович, члены-корреспонденты Марков, Шафаревич, Гельфанд, Люстерник, Новиков Сергей Петрович. Перед нашим активом прошли собрания партийных групп отделений Академии, где была дана информация об этих фактах, и коммунисты им дали должную оценку. После разъяснений большинство подписавших поняло свои ошибки. Однако несколько человек, среди которых, к сожалению, есть и такие крупные ученые, как академик Леонтович и члены-корреспонденты Шафаревич и Гельфанд, не поняли неправильность своих действий. И это вызывает серьезное беспокойство. Весь коллектив Академии и, прежде всего, его партийная часть должен упорно добиваться того, чтобы всем его членам была свойственна высокая политическая сознательность» [28, ф. 1729, оп. 1, д. 5, л. 6–8].

Нанесенный удар был достаточно весом, и диссидентство или даже робкое оппонирование власти в публичной форме в Академгородке не наблюдалось. По воспоминаниям профессора М.И. Черемисиной, «эти события резко изменили всю жизнь Академгородка, это был перелом... Письмо это было очень скромное, теперь бы сказала — почти раболепное, совершенно ничего революционного. Скромнейшая просьба дать информацию о том, что происходит... Но сам факт, что посмели, что голос подали — это уже был криминал. Главное обвинение против нас состояло в том, что якобы мы переслали письмо в Америку и оно прозвучало по «Радио Америки»... Мы потом много рассуждали о том, кто мог отправить письмо за границу, и склонились к мнению, что это сделали сами «органы»... Очень многие из «подписантов»

сломались, раскаивались, тяжело переживали... У многих оказались покалечены судьбы. Многие уехали из Академгородка... Были «разборки» в университете, на кафедре. Было и общеинститутское собрание, где нас «песочили». Неприятно, конечно, было, тяжело... После этого началось полное свертывание всех свобод, всех общений, люди замкнулись. Мы, «подписанты», в изоляции были года полтора... От преподавания меня официально отстранили, но я, с молчаливого согласия деканата и института (Института истории, филологии и философии СО АН СССР. — *Е.В., Н.К.*), продолжала вести занятия «подпольно» [26, с. 23].

Студентам Новосибирского университета, возмнившим о себе несколько больше, чем было дозволено властями, также указали их место. 8 января 1970 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС письмо, в котором излагал события в новосибирском Академгородке, происшедшие 15 января 1968 г.:

«На некоторых общественных зданиях были обнаружены надписи, выполненные масляной краской, содержащие клевету на Советскую конституцию и правосудие и призывы к защите осужденных Даниэля, Гинзбурга и Галанскова. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий установлено, что авторами и исполнителями надписей являются:

Петрик, 1948 года рождения, студент I курса гуманитарного факультета Новосибирского университета, член ВЛКСМ, отчисленный в марте 1968 г. за неуспеваемость, проживающий в настоящее время у родителей в Киеве, болен шизофренией;

Мешанин, 1948 года рождения, студент 3 курса того же факультета, член ВЛКСМ;

Попов, 1947 года рождения, студент 5 курса физического факультета, член ВЛКСМ;

Горбань, 1952 года рождения, студент I курса того же факультета, член ВЛКСМ.

Студенты 5 курса гуманитарного факультета Колненский и Жерновая знали о совершенном преступлении и принимали меры к сокрытию его следов.

По согласованию с Советским РК КПСС г. Новосибирска и парткомом университета было принято решение к уголовной ответственности виновных не привлекать, а ограничиться профилактическими мероприятиями.

В октябре 1969 г. проведено расширенное заседание комитета ВЛКСМ университета с участием членов парткома, секретарей партийных и комсомольских организаций факультетов, а также секретарей Советского РК КПСС и РК ВЛКСМ г. Новосибирска. Выступавшие на заседании подвергли резкому осуждению преступные действия указанных студентов. Комитет ВЛКСМ принял решение исключить из рядов ВЛКСМ Мешанина, Попова, Горбаня, Колненского и Жерновую, вместе с тем обратился с ходатайством к ректору университета об отчислении всех их, кроме Жерновой, из числа студентов.

В процессе разбора дела и из объяснений виновных установлено, что одной из основных причин появления у некоторых студентов политически неверных суждений о событиях, происходящих внутри страны, является недостаточная воспитательная работа на факультетах Новосибирского университета. В результате отдельным лицам, в частности, преподавателю литературы гуманитарного факультета Гольденбергу И.С. (который в феврале

1968 г. в числе 46 сотрудников Сибирского отделения АН СССР подписал письмо в правительственные органы с протестом против осуждения Гинзбурга и др.) удавалось оказывать идеологически вредное влияние на неустойчивую часть студенчества.

По согласованию с Советским РК КПСС г. Новосибирска принимаются меры к отстранению преподавателя Гольденберга И.С. от работы в университете.

Сообщается в порядке информации» [24, ф. 5, оп. 62, д. 61, л. 1–2].

Правы, вероятно, те исследователи, которые считают, что в то время органы госбезопасности не стремились раздуть из лозунговой кампании большое политическое дело: главный организатор был несовершеннолетним, доказательств было слишком мало; к тому же как раз в это время в Академгородке начались масштабные и значительные события. Репрессии против студентов могли бы вызвать нежелательную общественную реакцию и без нужды накалить обстановку. Одно время, правда, серьезно ставился вопрос о переводе студентов-гуманитариев для продолжения учебы в один из соседних городов, но, к счастью, это так и не было реализовано. То обстоятельство, что указанное письмо Ю.В. Андропова поступило в ЦК КПСС лишь через два года, лишь подтверждает этот вывод [22, с. 47].

Результаты акции по подавлению студенческого инакомыслия были соотносимы с теми, что последовали после разгрома кампании «подписантов». Громких политических процессов удалось избежать, однако многие участники событий были морально раздавлены и лишены возможностей для продолжения учебы и профессиональной карьеры. Вспоминает один из наиболее активных организаторов студенческих акций протеста А.Н. Горбань: «Неправда, что исключенные из комсомола и университета «участники акции смогли вернуться к учебе, проработав полгода сторожами в детском клубе». Это было бы слишком хорошо... От суда и заключения всех нас спасла молодость организатора — в момент «деяния» мне было 15 лет. После исключения нас разметало по свету... Политикой я больше не занимался, но не каялся и молодость свою не предал...» [29, с. 15].

Следующей жертвой новой волны идеологической и политической реакции стали общественные клубы и объединения научного центра. Особое раздражение властей вызвала деятельность популярного клуба «Под интегралом», в котором периодически проводились неформальные дискуссии, викторины, конкурсы красоты, выступали барды. Важным аспектом деятельности клуба были дискуссии по проблемам науки, культуры, по социально-экономическим и политическим вопросам. Зачастую дебаты приводили к серьезной критике системы. По свидетельствам посетителей, в клубе «Под интегралом» все чаще стали появляться стукачи и сотрудники КГБ.

Уже в 1965 г., после проведения дискуссии о переселении человеческого разума в кибернетическую систему, был закрыт входивший в созвездие «Интеграла» Кибернетический клуб. Не последнюю роль сыграла и дискуссия «О социальной вялости интеллигенции» в 1967 г. Несмотря на ее результат, говорящий об «умеренной» оппозиционности академгородковской интеллигенции к существующей системе, сам факт постановки вопроса вызвал большое раздражение властей. Работа «Интеграла» была признана идеологически вредной, и он вскоре был закрыт.

Бурное проведение весной 1968 г. фестиваля бардов, на котором выступило немало известных своим критическим отношением к режиму лиц, в том числе и Александр Галич, вскоре после этого выдворенный из СССР, а также протесты против советского вторжения в Чехословакию в августе 1968 г. явно переполнили чашу терпения властей. Чтобы показать ученым их место использовались любые поводы — не только публичные акции и события, но и нарушения должностных инструкций. Например, 30 июля 1969 г. председатель КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС секретную депешу, в которой сообщалось следующее:

«Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР издан с грифом “Для служебного пользования” научный доклад “Проблемы развития экономики Северо-Востока СССР на перспективу”, который был роздан отдельным лицам и разослан в несекретном порядке во многие учреждения и ведомства страны, обсуждался на конференциях и совещаниях в городах Москве, Новосибирске, Якутске, Магадане с привлечением широкого круга лиц без соответствующих ограничений. При составлении научного доклада были использованы совершенно секретные и секретные данные. Это грубое нарушение требований режима секретности при подготовке и издании подобных докладов допустили директор института, член-корреспондент Академии наук А.Г. Аганбегян, его бывший заместитель Орлов Б.П., начальник отдела Шнипер Р.И. и ученый секретарь Шеметов В.П.

По заключению специалистов Госплана СССР в научном докладе разглашены совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну, о запасах меди, золота, сурьмы, олова, вольфрама и ртути на Северо-Востоке страны. В нем содержатся также секретные сведения об эффективности экспорта алмазов, золота, нефти, угля, чугуна и других полезных ископаемых, разглашение которых, по мнению Министерства внешней торговли СССР, может отрицательно повлиять на конъюнктуру рынка и нанести ущерб интересам Советского государства.

В соответствии с действующим законодательством Аганбегян и другие ответственные работники Сибирского отделения Академии наук СССР, допустившие разглашение государственной тайны, подлежат уголовной ответственности.

Однако учитывая, что в действиях Аганбегяна и других виновных лиц умысла не установлено, как ученые и специалисты они характеризуются положительно, по мнению Комитета государственной безопасности, ограничиться в отношении их мерами административного воздействия и к уголовной ответственности не привлекать» [24, ф. 5, оп. 61, д. 61, л. 92–93].

13 августа главный ученый секретарь президиума АН СССР Я.В. Пейве доложил в ЦК КПСС о принятых мерах: «Академик М.А. Лаврентьев сообщил, что этот случай нарушения был обсужден им на закрытом заседании президиума Сибирского отделения АН СССР. Принято решение об изъятии доклада и его засекречивании. Руководству организаций Сибирского отделения АН СССР, участвовавших в подготовке доклада, строго указано на допущенные ошибки и на необходимость более строгого подхода к использованию материалов с грифом “Для служебного пользования”» [24, ф. 5, оп. 61, д. 61, л. 94–96].

История с «Факелом» стала завершающим аккордом, показавшим всем интеллектуалам, как работающим в научном центре, так и проживающим далеко за его пределами, что эпоха либерализма и экспериментов осталась позади. В 1969 г. на VIII районной комсомольской конференции говорилось о том, что до сих пор не определен юридический статус «Факела», раздавались голоса против «неоправданных расходов», против «чисто делового подхода к проблемам», в котором секретарь РК КПСС В. Соколов увидел угрозу уничтожения «разницы между нашим инженером и американским работником в капиталистическом мире» [21, ф. П308, оп. 1, д. 216, л. 23, 115]. В 1970 г. фирма практически прекратила свою деятельность. Ее спасению не помогло ни вмешательство ОК КПСС, ни письмо М.А. Лаврентьева, обращенное непосредственно к Л.И. Брежневу. Официально НРО «Факел» было закрыто уже в 1972 г.

Для советского «Города Солнца» завершилась целая эпоха длиной в десятилетие. Новые реалии диктовали новые законы. Нужно было адаптироваться к изменившейся среде, которая становилась все более и более агрессивной и неблагоприятной для научного комплекса. Сложность заключалась в том, что эти законы не соответствовали тем принципам, на которых изначально создавался научный центр. Потери становились неизбежными.

Вернемся к факторам, которые обеспечили быстрый подъем Академгородка в начальный период его развития, но не смогли противостоять произошедшей к концу первого десятилетия потере его «жизненной энергии». Одним из наиболее существенных факторов является то, что параллельно увеличению численности сотрудников происходило формирование уникального для страны по многим параметрам научного сообщества, состоящего из научной интеллигенции со своими традиционными ценностями, пусть и в препарированном под влиянием исторических обстоятельств виде. К тому же в силу территориальной общности в городке имел место «эффект синергизма». Активность и ангажированность одних членов научного сообщества пробуждали соответствующие качества у других, в том числе и у тех, кто ранее активной позицией никогда не отличался. Соответственно, когда началась быстрая трансформация социально-психологического облика академгородковских ученых, вызванная как внешними обстоятельствами, так и внутренними негативными процессами в научном сообществе ННЦ, то этот реверсивный процесс не мог пройти бесследно и для самого научного комплекса. Тем не менее, с формированием Академгородка в советской науке возник мощный психологический фактор — региональный центр заставил интеллектуалов говорить о себе как о «Новой Атлантиде», где в рамках советской модели социальной организации удавалось, как представлялось в то время, обеспечить реализацию подлинно научных свобод и демократических инициатив. На практике эти возможности оказались во многом иллюзорными, а прогресс в данной области был краткосрочным и исторически преходящим. Однако легенды об Академгородке сохраняли надежду...

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводаителя по неизведанной земле: Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4.

2. *Балакин В.С.* Отечественная наука в 50-е — середине 70-х гг. XX в.: Опыт изучения социокультурных проблем. Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1997.
3. *Лазар М.Г.* Этика науки: Философско-социологические аспекты соотношения науки и морали. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
4. *Vicinich A.* Introduction // *Science in Russian Culture: 1861–1917.* Stanford, California: Stanford University Press, 1970.
5. *Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири: 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990.
6. *Водичев Е.Г.* Путь на восток: Формирование и развитие научного потенциала Сибири: Середина 50-х — 60-е гг. Новосибирск: Экор, 1994.
7. *Куперитох Н.А.* Кадры академической науки Сибири: Середина 1950-х — 1960-е гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Т. 4. М.: Политиздат, 1968.
9. *Беляев Е.А., Пышкова Н.С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М.: Наука, 1979.
10. *Conolly V.* Beyond the Urals: Economic Development in Soviet Asia. London, 1967.
11. *Fortescue S.* Science Policy in the Soviet Union. London: Routledge, 1990.
12. *Perry A.* The Russian Scientists from Mendeleev and Pavlov to the Brilliant Scientists and Technologists of Today's USSR. New York, 1973.
13. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск: Наука, 1982.
14. Научный архив Сибирского отделения РАН (НА СО РАН). Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
15. Вестник АН СССР. 1957. № 12.
16. *Красильников С.А.* Научометрический анализ персонального состава Сибирского отделения АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3.
17. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
18. *Josephson P.R.* New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
19. *Wirszup I.* Soviet Secondary School Mathematics and Science Programs: In the Status of Soviet Civil Science / Ed. by G. Sinclair. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.
20. *Шиловский М.* История университетского вольнодумия // Наука в Сибири. 1997. № 42.
21. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
22. *Бадалян Ж.А.* Общественно-политическая активность научной интеллигенции новосибирского Академгородка (середина 1960-х — начало 1970-х гг.): Дипломная работа / Гуманитарный факультет НГУ. Новосибирск: НГУ, 1995.
23. *Vodichev E.* Siberia's Academic Complex: The History of an Experiment. Kennan Institute Occasional Paper. No 258. Washington, D.C., 1995.
24. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
25. Новосибирский научный центр. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР. 1962.
26. Логос: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Хроника гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск: НГУ, 1997.
27. *Berg R.L.* Acquired Traits: Memoirs of a Geneticist from the Soviet Union. New York: Viking Penguin, 1988.
28. Архив Российской академии наук (РАН).
29. Наука в Сибири. 1997. № 32.